

Сравнительный анализ социологических подходов к изучению терроризма

В.И. Долгий

Статья посвящена особенностям изучения проблемы терроризма посредством ряда социологических методов, попыткам создания валидных концепций этого явления на основе обобщения эмпирического материала и последующей его формализации. В ней раскрываются ограничения, связанные с объективистским подходом, в частности, с поиском универсального определения терроризма.

За последние годы обсуждение проблемы терроризма в научных, правовых и политических дискуссиях парадоксальным образом привело к вопросу о том, насколько это многогранное явление может укладываться в границы интерпретации одного, отдельно взятого подхода. Многочисленные попытки прийти к какому-то одному, даже исчерпывающему истолкованию, не только не имеют успеха, но и порождают всё возрастающие вызовы. Происходит нечто схожее с движением к линии горизонта, - чем оно быстрее, тем стремительнее удаляется цель. Соответственно, чем больше предпринимается усилий по созданию универсального подхода к терроризму, тем больше сомнений по поводу того, поддаётся ли этот феномен достаточно валидному объяснению. Чем плотнее, казалось бы, сжимается кольцо из определенных теоретических конструкций, тем стремительнее появляются за его границами всё новые и новые прецеденты. Чем более детальным становится описание, тем больше обнаруживаются неохваченных аспектов, незамеченных ранее характеристик, проявлений, связанных с терроризмом.

Основные принципы объективистского подхода. Считается, что можно и даже необходимо составить упорядоченные классификации, которые выстроят в объективные логические связи и захваты заложников, и покушения на глав государств, и вывод из строя компьютерных сетей, и военные преступления прошлого, и банальный телефонный терроризм. Такой подход был взят на вооружение экспертами по террору с конца 70-х, и до определённого предела движение в этом направлении было научно плодотворным. Появились определения терроризма, объективи-

рование темы иными формами политического насилия, подходы Б. Крозье¹, П. Уилкинсона², А. Шмитта³.

Параллельно в качестве альтернативы жестким дефинициям создавались типологии этого явления, которые должны были способствовать изучению его более комплексными основаниями (Дж. Белл⁴). Они составили основу для появлявшихся в дальнейшем более детализированных дефиниций и классификаций, которые обычно противопоставлялись пропагандистскому, идеологизированному подходу. Американский исследователь Н. Хомский был в числе тех, кто формировал убежденность в правильности объективистского («точного») подхода. «Существует, - пояснял он, - два пути приблизиться к изучению терроризма: один принимает точный подход, рассматривающий тему серьезно, другой – пропагандистский подход, конструирующий концепцию терроризма как орудия, эксплуатируемого в услужение какой-либо политической системы.

Следуя точному подходу, мы начинаем с определения того, что составляет терроризм. Тогда мы обращаемся к частным проявлениям этого феномена, концентрируясь на основных элементах, если наши намерения серьезны, и пытаемся определить причины и средства. Пропагандистский же подход указывает на другое направление движения. Мы начинаем с тезиса о том, что возлагаем ответственность за терроризм на какого-либо официально означенного врага. В этом случае мы определяем террористические акты как «террористические», если они могут быть приписаны (под благовидным предлогом или нет) к требующейся первопричине...»⁵.

Говоря предметнее, с 70-х возникает достаточно многообразный объективистский подход к террору, в котором акцент делается на нахождение материальной основы «универсального» толка. Выпустить монографию, защитить диссертацию по террористической проблематике очень часто означает дать более полное определение терроризма и доказать его состоятельность. Либо представить некоторый эмпирический материал и на его основе выстроить уточняющую дефиницию, типологию или классификацию.

Вместе с тем, отметим, что объективистский подход подвержен изменениям. В нем присутствует внутреннее движение, иллюстрацией которому могут служить, в частности, статьи в энциклопедиях и толковых словарях. По мере роста интереса к террористической тематике они, с одной стороны, становятся более развёрнутыми и детализированными, с другой – всё менее сосредоточенными на чём-то конкретном. В России эта тенденция, наверное, берёт своё начало с Толкового словаря Даля, где сказано, что «терроризмъ *лат.* устраиванье, устрашение смертными казнями, убийствами и всми ужасами неистовства»⁶. В 1984 г. Дипломатический словарь конкретизирует суть феномена: «Терроризм международный (от *лат.* *terror* – страх, ужас) – общественно опасное в международном масштабе деяние, влекущее бессмысленную гибель людей, нарушающее нормальную дипломатическую деятельность государств и их представителей и затрудняющее осуществление международных контактов, встреч, а также транспортных связей между государствами»⁷.

В 2000 г. Российская криминологическая энциклопедия детализирует объективистскую составляющую терроризма: «Это любой акт насилия (убийства, увечья, захвата зданий, транспортных средств, заложников) или угроза таких действий, совершённых различными способами против политических противников или других лиц с целью запугивания, создания в обществе атмосферы страха, ужаса, паники, растерянности. Формы и разновидности терроризма многообразны и могут быть классифицированы по различным основаниям: объекту преступного посяательства (индивидуальный и слепой), по целям и мотивам (политический, уголовный или криминальный, «религиозный»). В литературе встречаются также такие определения, как «воздушный», «морской», «ядерный», «телефонный», «международный», «внутригосударственный» терроризм. Можно поэтому считать, что «терроризм – это собирательное понятие»⁸.

Итак, как мы видим, объективистский подход позволяет выделить самые разные черты терроризма – от устрашений неистовствами к общественно опасному деянию, и от общественно опасного деяния к несколько аморфной совокупности насильственных действий. Но во всех этих определениях, подчеркнём, предпринимаются попытки систематизировать и детализировать именно материальные компоненты терроризма.

Со временем речь начала идти уже не столько о терроризме как таковом, а, если так можно выразиться, о параллельно существующих терроризмах, каждый из которых имеет свои объективные параметры. Вполне типична в этом плане концепция эксперта по террору Г. Мартина, который, в сущности, систематизирует объективистские определения терроризма, сложившиеся к началу XXI столетия. Он выделяет:

- государственный терроризм, который исходит «сверху». Он применяется правительством против тех, кого оно воспринимает как своих врагов. Государственный терроризм может быть направлен вовне против внешнеполитических оппонентов или вовнутрь против противников в собственной стране;
  - диссидентский терроризм, исходящий «снизу». Осуществляется неправительственными движениями и группами против правительств, этнических групп и народностей, религиозных групп, и других враждебных элементов;
  - религиозный терроризм, который вдохновляется убеждением, что духовная сила утвердила и санкционировала применение террористического насилия ради высшей славы веры...;
  - криминальный терроризм, который мотивирован исключительно соображениями прибыли. Организованные преступные сообщества (как мафия) накапливают доходы от преступной деятельности для собственного роста. Политико-криминальные террористические движения, как Тигры освобождения Тамил-Илама на Шри Ланке, получают от преступных сообществ денежные средства на поддержку своего движения;
  - международный терроризм, который распространяется сквозь государственные границы. Выбирает свои мишени в зависимости от их ценности в качестве символов, олицетворяющих внешнеполитические интересы, как правило, в целях пропаганды. Аль-Каида является примером такой террористической организации, даже если она также действует и по религиозным мотивам⁹.
- Более пространную типологию террористических организаций предлагает один из сторонников объективистской концептуализации терроризма, П. Уилкинсон:
- националистические террористические группировки: Эти группировки ведут борьбу за политическую независимость. Их деятельность распространяется от территорий, где они стремятся захватить власть, до целей за её границами. ЭТА (Испания) и Ирландская республиканская армия (ИРА) являются примерами националистических террористических организаций;
  - идеологические террористические группировки: группировки замышляющие расшатать политическую, экономическую и социальную инфраструктуру государства влево

- или вправо. Итальянские Красные бригады и немецкая Фракция Красной армии являются примерами существовавших ранее идеологических террористических группировок;
- террористические группировки с определённой узкой задачей: эти группировки не преследуют целью преобразовать всю политическую структуру, но только изменить определённую политику или обычаи в определённом сообществе. Воинствующие крайне правые группировки являются примером этой разновидности терроризма¹⁰.

На наш взгляд, ограниченность и слабость объективистских методов интерпретации и концептуализации терроризма выражается в том, что они содержат в себе некоторое несогласование между целью, которую они провозглашают, и средствами, требующимися для её достижения. С одной стороны, наличие стремление охватить максимально возможное число прецедентов и структурированных практик, что, казалось бы, должно предполагать диверсификации, отказ от схематичности и стереотипов. Тем не менее, одновременно говорится о необходимости создания «универсального» категориального аппарата, понятий и типологий, то есть формирования некоего шаблона.

Отсюда вполне естественный результат - ни одна дефиниция или классификация террора не стала и, судя по всему, не может стать исчерпывающей, ни одна из них так и не отразила в полной мере объективные параметры терроризма. Вслед за терактами, до мелочей проанализированными экспертными сообществами, получившими политическую оценку, прошедшими юридическую кодификацию, возникали и продолжают возникать всё новые и новые специфические террористические прецеденты. Неся в себе как уже известные, так и новые материальные черты террористической деятельности, они при этом проявляют себя совершенно в ином социальном, политическом и культурном смысловом контексте. Подчеркнем, во всех этих определениях практически отсутствуют попытки определения терроризма через его смысл и соответствующий дискурс, что, на наш взгляд, является упущением.

С середины XX века за угонами самолётов и покушениями на политиков последовали взрывы в общественных местах, за ними – угроза применения средств массового поражения и кибертерроризма. При этом непрерывным рефреном давали о себе знать материальные черты «классического» террора, известные ещё с XIX столетия: угоны транспорта, поджоги, убийства, совершавшиеся, однако, уже при других обстоятельствах и с другими целями. Объективистские теоретические конструкции постоянно давали трещины под воздействием вызовов жизни. Их «универсальность» оказывалась сомнительной, а содержание - отрывочным и неполным.

Вместе с тем, как это ни парадоксально, число попыток сформулировать определение терроризма, акцентирующее его имманентные материаль-

ные черты, не снижается, а растёт. Специалисты по истории вопроса отмечают: «Было, несомненно, множество попыток достичь универсального определения. Шмидт и Йонгман удостоверили 109 различных определений в обзоре 80-х годов, но нынешние исследования, вероятно, удвоили бы эту цифру»¹¹. По данным на начало 2000-х, в отечественных и зарубежных источниках их действительно насчитывалось свыше двухсот, что, однако, не считается последней точкой над «i».

Среди исследователей, придерживавшихся объективистского подхода на такого рода методологические сбои обратил внимание А. Шмидт, который достаточно подробно проанализировал процесс формирования понятия «терроризм» в работе «Политический терроризм». Ученый констатирует, что в случае с терроризмом стремление объяснить вещную сущность в нескольких словах порождает либо намеренные, либо произвольные манипуляции с употреблением терминологии. «В свое время, - пишет он, - считали, что слова и вещи напрямую соприкасаются друг с другом, что понятия и явления имеют свои материальные воплощения, особенности или сущности, которые могут быть обнаружены и поддаются описанию. Противоположный взгляд мы обнаруживаем в «Алисе в стране чудес» Кэрролла Льюиса: слова несут в себе то значение, которое вы от них требуете. Последствия такого идиосинкретического использования слов были бы сродни вавилонскому столпотворению»¹².

В качестве иллюстрации А. Шмидт ссылается на ряд определений, демонстрируя их разноречивость и методологическую ограниченность. Так, этот исследователь экспериментирует с наполнением термина «терроризм» семантикой слов «тирания», «герилья», «революция», «преступление», «безрассудство» и «политическое насилие». В результате им было вычленено 22 смысловых элемента, послуживших, в свою очередь, основанием для 13 признаков, составляющих понятие терроризма. Ввиду этого А. Шмидт обосновывает положение о том, что в случае с террористической проблематикой не вполне оправданно опираться на односложные дефиниции объективистского толка. Как следует из его критического анализа, гораздо эффективнее расширить методологические границы, в частности, за счет обращения к смысловому полю, то есть дискурсу о терроризме.

Критический пафос А. Шмидта, на наш взгляд, справедлив в отношении концептуализации терроризма, упоминавшегося Дж. Беллом, который подразделяет это явление на пять видов: организационный, терроризм преданности, функциональный, провокационный и манипулирующий терроризмы. Первый, согласно его взглядам, представляет собой метод поддержания дисциплины и лояльности внутри террористических ячеек, либо тех организаций, чьи интересы они обслуживают. Вторая разновидность является способом склонения на свою сторону общественного мнения как путем силового давления, так и за счет ореола спекулятивного героизма.

В третьем случае речь преимущественно идет о ликвидации представителей и структур государственного аппарата, объявленных ущербными и даже опасными для общества. Провокационный терроризм предполагает тактику подстрекательства силовых ведомств на непропорционально жесткие действия, которые могут дискредитировать правящий режим в глазах населения. Наконец, пятый вид сводится по большей части к организации переговорного процесса с противоборствующей стороной, привлечение ее внимания за счет угрозы нанесения серьезного ущерба¹³.

Однако предложения А. Шмидта отказаться от инструментария абсолютизации формальной логики и объективации рассудили как раз с тех позиций, состоятельность которых он оспаривал. «Одни ученые считают, что Шмидт решил проблему определения путем объединения определений. Другие полагают, что он очистил определяемое от неопределяемого. Третьи называют определение Шмидта агитационным (манифестаторским). Некоторые авторы просто игнорируют проблему определения, предполагая, что все знают, что они имеют в виду, когда говорят о терроризме»¹⁴.

Будучи не в силах обобщить единой формулой-определением постоянно ускользающие и обновляющиеся проявления террора, объективистский метод, по сути своей, нацелен на то, чтобы вывести эту формулу из максимально возможного количества материальных слагаемых и достичь затем их обобщения. Однако совокупность формально-материальных признаков не может идентифицировать некоторое уникальное качество, если это качество не учтено ещё по основанию социального и культурного смыслов. Отсюда появляются отрывочные определения и не всегда сбалансированные типологии, в которых ставка делается уже не столько на достижение понятийной стройности, сколько на учет разнообразия террористических практик.

Комплексные подходы. Если в 80-е и 90-е годы главенство объективистского подхода, оправдывавшегося использованием исключительно эмпирического материала, подкрепившегося принципами, по существу, детерминизма позитивистского толка, то с 2000-х в научных и экспертных сообществах все более начинают признавать затруднительность сложившегося положения, говорят о том, что «...терроризм – весьма сложная и запутанная проблема... Не всегда ясно, как объяснить вспышки террористической активности в некоторых вроде бы благополучных странах или нынешний беспрецедентный рост терроризма при явно более благоприятных, чем в прошлом веке социальных и политических условиях»¹⁵.

Эта «сложная и запутанная» проблема оказалась тем более острой, что коснулась сфер политического управления и регулирования общественных отношений. Не имея четких понятийных границ, политики и юристы были вынуждены при определённых обстоятельствах сами оценивать смысл терроризма – что считать таковым,

а что нет. Одним из частных следствий такого положения дел стали, например, несоответствия в списках террористических организаций, обнаруженных различными государствами.

Даже при попытках России и США наладить плотное сотрудничество на этом направлении, в особенности, после событий 11 сентября 2001 года. В объективистских оценках степени опасности тех или иных террористических организаций больше разногласий, чем единства. В 2003 г., когда взаимодействие в рамках Глобальной антитеррористической стратегии могло бы стать центральным пунктом диалога между двумя государствами, опубликованные ими «чёрные» списки боевых экстремистских группировок совпали весьма и весьма частично. «Лишь пять из 15 российских угроз ... попали в американский список»¹⁶.

Более того, отсутствие общепризнанного взгляда на проблему, за что почти полвека боролись эксперты-террологи, обернулось тем, что в научных, правовых и политических дискурсах она начала выходить за границы объективно реального, дополняясь смыслообразующим компонентом. Соответственно, терроризм трактуется не столько как объективная угроза, исходящая от кого-то или от чего-то конкретно, он понимается как *смысловая* угроза вообще. Размышляя о нём, давая свои прогнозы, и исследователи-теоретики, и эксперты-практики отходят от абсолютизации, объективных параметров феномена. На основе трактовок смысла терроризма ими создаются сценарии неведомых доселе обрушений информационных сетей, способных вызвать катастрофические последствия, чреватые сбоями систем жизнеобеспечения, анализируются возможности применения оружия массового поражения.

Оборотной стороной этого смыслового подхода становится поиск зеркальных отражений терроризма в прошлом. Появляются новые интерпретации истории воинствующих сект, возникают новые разоблачающие истолкования периодов правления античных и средневековых деспотов. Во всемирной коллекции террористических актов ищут место и для покушений на Генриха Наваррского, и для испанской инквизиции, и для многого другого. Все эти исторические реалии, которые существовали ранее вне связи друг с другом, при применении объективистского подхода становятся ныне частью единого проблемно-смыслового поля, образуемого террористической тематикой, связываются разветвлённой сетью научно-политических, правовых и иных дискурсов.

Здесь естественным образом возникают вопросы. Коль скоро опора на объективистские методы не оправдала себя, коль скоро сопутствующий им теоретический арсенал недостаточно эффективен и валиден, то какова в данном случае альтернатива? Какой теоретико-методологический подход будет оптимален, к какому исследовательскому инструментарии следует обратиться?

Как нам представляется, суть проблемы в том, чтобы сначала разобраться, почему в современном обществе возобладало именно то *знание*, то есть тот *смысл* о терроризме, с которым мы имеем дело на сегодняшний день. Насколько плотно связано это и с формами террора, и со средствами -противодействиями, которые утвердились в современном обществе? Каковы особенности *дискурсов*, исходящих от практик терроризма?

По нашему мнению, в сложившейся ситуации более комплексный и валидный теоретико-методологический подход к раскрытию сути современного терроризма изначально требует учёта особых *дискурсивных* отношений. Они, согласно французскому социологу М. Фуко, «... не являются внутренне присущими дискурсу, они не связывают между собой концепты и слова, не устанавливают между фразами и препозициями дедуктивные или риторические структуры. Вместе с тем отношения, которые его ограничивают или навязывают ему определенные формы, или принуждают в некоторых случаях выражать определенные вещи, не являются и чем-то внешним по отношению к дискурсу. Все они в каком-то смысле располагаются в пределе дискурса, они предлагают ему объекты, о которых он мог бы говорить... Они определяют пучки связей, которым дискурс должен следовать, чтобы иметь возможность говорить о различных объектах, трактовать их имена, анализировать, классифицировать, объяснять и прочее. Эти отношения характеризуют не язык, который использует дискурс, не обстоятельства, в которых он развивается, а сам дискурс, понятый как чистая практика»¹⁷.

Если далее следовать методологии М. Фуко, то нельзя проигнорировать и то обстоятельство, что дискурсы терроризма имеют тесную связь с характером властных отношений, установившихся в том или ином социуме. Необходимо принимать во внимание, что в рамках дискурсивных отношений «мы имеем дело с властью особого рода – с властью над всеми сразу, но направленной всегда на серии изолированных друг от друга индивидов»¹⁸.

Противоречивость последствий власти дискурсов, создающих знание о терроризме, обусловлена неоднородностью общества, в том числе его, культурной, национальной и иной стратификацией. В этих условиях постоянно воспроизводится ситуация, когда люди, представляющие различные социальные группы, разные возможности для самореализации, разные обычаи и традиции говорят на разных языках, обладают разными знаниями о терроризме, между которыми не всегда возможен диалог. Однако в итоге одна форма знаний, воспроизводимая более успешными и привилегированными людьми, начинает преобладать над остальными. В итоге формируются институты социального контроля, которые обеспечивают власть одних дискурсов над другими. С одной стороны, это создает

предпосылки того, что антитеррористические, гуманистические дискурсы в принципе могут восторжествовать. Однако, с другой стороны, пока достаточно сильны террористические дискурсы, по крайней мере, на уровне субкультур.

Проблема правовой кодификации теоретического инструментария. В свете применения дискурсивного подхода возникает и другой вопрос. Стоит ли за этим процессом затянувшихся поисков универсального определения и толкования терроризма проблема его юридической кодификации? Не отсюда ли исходит та «ангажированность» знания о терроризме, на которую указывал Фуко, не здесь ли формируется социальный заказ на определение восприятия этого явления?

Современное общество столкнулось с необходимостью решения проблемы собственной безопасности за счёт того потенциала, который оно создало само для себя на сегодняшний день. Как было зафиксировано в документе ООН А/44/456, «основной проблемой, существующей в отношении вопроса о терроризме, является отсутствие единого критерия, позволяющего выявить основные составляющие элементы определения самого термина «терроризм». Только принятие такого критерия позволило бы создать механизмы, способствующие ликвидации практики терроризма»¹⁹.

Активный поиск определений и толкований терроризма привёл к принятию антитеррористических конвенций, законов, актов, подзаконных актов еще в конце 90-х годов XX столетия. В этот период не только в международно-правовой практике, но и в законодательствах большинства стран мира происходит качественный скачок. Терроризм начинают прописывать в уголовных кодексах как отдельно взятое преступление. До этого всё было несколько иначе, террористическая деятельность определялась через совокупность противоправных актов, уже прошедших юридическую кодификацию. То есть, если преступник совершал угон самолёта с захватом заложников, убивал при этом некоторых из них, то его судили по статьям, предусматривающим наказание за угон транспортного средства, убийство, незаконное хранение и применение оружия и т.д.

Обращаясь к международно-правовой практике, нетрудно заметить, как она изменяется из-за продвижения от объективного подхода к комплексному толкованию терроризма, преобладанию более широкого дискурса при его кодировании. В перечне межгосударственных соглашений, разработанных под эгидой ООН, имеется как бы две группы документов, принятых до и после начала 90-х годов. В названиях, а часто и во всём тексте, первых из них нет слова «терроризм». Открытые к подписанию в 1963 г. «Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов», в 1973 г. – «Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся

■ Социология

международной защитой, в том числе дипломатических агентов», в 1979 г. – «Конвенция о борьбе с захватом заложников», фактически ставят вопрос о противодействии террористическим актам, однако их не называют таковыми. Речь идёт о «преступлениях», что весьма показательно, а не о «преступлении» в единственном числе.

Ситуация в этом смысле ныне меняется: в 1997 г. принимается «Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом», в 1999 г. – «Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма», в 2005 г. – «Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма». На наш взгляд, правовая кодификация терроризма должна основываться как на накопленном знании о терроризме через дефиниции, полученные на основе обобщения эмпирического материала, так и учитывать динамику его смысла, что в итоге позволит выработать оптимальные меры противодействия.

Таким образом, становится очевидным, что абсолютизация объективистских подходов и эм-

пирических методов, не может в полной мере отвечать современным научным представлениям. Чтобы преодолеть отмеченные нами теоретико-методологические ограниченности, необходимо обратиться к дискурсивному анализу изучаемого явления, который позволяет охватить процесс формирования знаний о нём, раскрыть специфику социума и культуры, в которых формируются дискурсы терроризма. Сказанное, разумеется, не предполагает отказ от объективистского инструментария вообще.

Dolgy V.I. An Application of Several Sociological Methods to the Terrorism Studies.

Summary: *The subject of the article is an application of several sociological methods to the terrorism studies as well as the attempts of creation of valid concepts of terrorism based on the accumulation and formalization of empirical dates. There is a disclosing of limitations of the objective theoretical approach, when particularly it comes about the search of the universal definition of terrorism.*

Ключевые слова

терроризм, объективистский подход, типология, концептуализация, дискурс, эпистема, кодификация.

Keywords

terrorism, objective approach, typology, conceptualization, discourse, episteme, codification.

Примечания

1. Crozier, B. Terrorism Activity: International Terrorism - Washington D.C.: United States Senate. 1975.
2. Wilkison, P. Terrorism and Liberal State. London: McMillan. 1986.
3. Schmid, A. Political Terrorism: A Research Guide to Concept, Theories, Data Bases and Literatures. - North-Holland, Amsterdam and New Brunswick. 1984.
4. Bell, J.B. Transitional Terror. - Washington, D.C.: American Enterprise Institute. 1975.
5. Chomsky, N. International terrorism: Image and Reality: in A George. Western State and Terrorism. -New York: Routledge. 1991. P.2
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 3. СПб. М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. С. 518.
7. Дипломатический словарь. М.: Наука, 1986. Т. III С. 461.
8. Российская криминологическая энциклопедия. М: Норма : ИНФРА-М, 2000. С.724-725.
9. См.: Martin, G. Understanding Terrorism: Challenges, Perspective and Issues – Thousand Oaks: Sage Publications – 2003. pp. 34-35.
10. См.: Wilkinson, P. Terrorism versus Democracy: The Liberal State Response. London: Frank Cass – 2000. pp. 20-21.
11. Hubschele, A. The T-word: Conceptualising Terrorism – African Security Review, vol. 15, # 3, 2006. pp.16.
12. Schmid Alex P. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literatures - (Amsterdam and New Brunswick, North-Holland.) 1984. P. 34.
13. См. Bell, J.B. Transitional Terror. - Washington, D.C.: American Enterprise Institute. 1975. P.10-18
14. Терроризм: борьба и проблемы противодействия / под ред. проф. В.Я. Кикотя, проф. Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С.31.
15. Виктюк В.В., Данилевич И.В. Терроризм как политический феномен и как теоретическая проблема // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направленность и угрозы. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 5.
16. Кеворкова Н. Списки террористов. Американская и российская версии не совпадают //Журнал «Смысл» 28.02.03 С. 107.
17. Фуко М. Археология знания - Киев: Ника-центр, 1996. С. 46
18. Фуко М. Психиатрическая власть. СПб.: «Наука», 2007. С.95.
19. Документ ООН. A/44/456. С. 9.